

ТРОГАТЬ НЕЛЬЗЯ

МАРИЯ ЗАЙЦЕВА

Практика любви

Мария Зайцева

Трогать нельзя

«автор»

2022

Зайцева М.

Трогать нельзя / М. Зайцева — «автор», 2022 — (Практика любви)

Татка едет за моей спиной, прижимается ко мне тонким телом, обхватывает ногами. А я завожусь. Дико. Непотребно. До красных пятен перед глазами. И не помогают мантры, которые раньше спасали. Уже не спасают. Уже год не спасают. С того прошлого проклятого лета, когда я поцеловал ее после выпускного. Я, Серега Бойцов, широко известный в узких кругах как Боец, бывший боксер, вполне успешный бизнесмен, нормальный, спокойный, солидный даже мужик, тридцати пяти лет. Поцеловал в губы восемнадцатилетнюю девчонку, только закончившую школу. Свою сестру. Свою сводную сестру. Которую нельзя трогать.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мария Зайцева

Трогать нельзя

Глава 1

– Сereoооожаааа... – голос, томный, сладкий, звучит, словно медом мажет. Липковато, но вкусно.

Я рывком прижимаю мокрое обессиленное тело к себе, фиксирую и догоняюсь в кайфе несколькими движениями.

Она не может уже ничего дать мне, даже подмахивать не в состоянии, только дышит тяжело и стонет мягко так, тихо. Мне нравится. Люблю, когда бабы такие медленно-ленивые. Измученные.

Верти как хочешь, на все согласны, пластилином в руках плавятся. Но в этот раз перебор. Пожалуй.

Выдыхаю сдавленно в пушистые волосы, пахнущие резко и искусственно, кончаю.

Хорошо!

Она лежит на мне сверху, обнимает руками и ногами, как лягушка распласталась.

А мне уже тяжело дышать. Слишком много парфюмерии.

Аккуратно перекладываю на мокрую от пота простыню, лежу пару минут, но чего-то неприятно в этот раз.

Маринка дышит тяжело, постанывает, так, словно опять мой член в себе чувствует. Видно, остаточный приход.

Я встаю, иду в душ.

Там полноценно выдыхаю, прихожу в себя.

Мысли привычно уже не здесь.

Завтра у меня проверка. Не особо напрягаюсь, тем более, что предупрежден давным-давно, но новый инспектор, бляха муха. Новая метла, чтоб ее.

Поэтому прямо с утра надо в клуб.

Времени уже много, неплохо бы спать завалиться. Одному.

Маринку домой отправить. Тем более, что от нее все равно уже толку никакого нет.

Опять задумываюсь над метаморфозами бабскими, и их временем для презентации. В среднем, месяц.

Вначале Маринка показалась мне прям огнем. Неутомимая, страстная, затейливая. Я не то чтоб поплыл, я от баб уже лет десять как не плыву, не пацан малолетний, но порадовался. Хорошая женщина, и темперамент прям такой, как я люблю.

Но вот прошел месяц – и все. Сдулась Марина. Секс один раз за ночь, и потом не расшевелишь ее. Только стонет жалобно: «Сereoооожаааа...» И максимум, что делает, ноги раздвигает.

Честно, вот по-всякому ее кочегарил. Без толку.

Короче говоря, я так понял, что первый месяц – это что-то вроде тест-драйва было. Типа, показать себя во всей красе. А потом уже все. Отношения устоялись. Все круто.

А все не круто.

Но да хрен с ним.

Может, это период у нее такой, бывают же у баб всякие там гормональные херовины.

Выдыхаю.

Ладно.

Работа. Завтра работа. Спать, жеребец.

Жизнь – прекрасна. Прекрасна жизнь. Да. Повторяй себе почаще это все.

Из ванны выхожу практически спокойным и даже в каких-то местах счастливым. И чего я вижу?

Моя растекшаяся амебой буквально пять минут назад женщина очень даже шустро ковыряется в телефоне! Моем! Ну, это уже пи**ц, ребята.

– Сереж... Это просто... Он зазвонил, и я... – я не слушаю бред, знаю, ничего умного не скажет.

– Забирай вещи и вали.

– Сереж... – она глупо улыбается, словно не верит, что я ее выгоняю, – да ты что? Я тебе правду говорю... Я просто...

– Такси сама вызовешь?

Я прохожу мимо, выхватываю телефон из рук. Вижу пропущенный. Реально звонили. И фотку Татки на экране.

А время, на минуточку, третий час ночи. И что, интересно, моей сестре могло понадобиться от меня в три часа ночи?

Сердце неожиданно глухо ухает в желудок и, судя по ощущениям, пробивает себе дорогу к пяткам.

Не обращая больше внимания на щенячий взгляд Маринки, я набираю сестру.

– О! Братуха!

Тааак... Судя по голосу, Татка на жоре. Причем, нехилом таком.

– Ты где?

– О как! Ну ты как всегда, Серый! А сказать привет сестренке? А сказать: «Как дела, сестренка»? А пожелать сестренке хорошего начала июля?

– Ты. Где???

Я стараюсь говорить спокойно. Ну очень стараюсь. Но с этой дикой мартышкой никакого спокойствия не хватит. К тому же на заднем плане я слышу бумцанье музыки и разгульные голоса. Мужские. От этого моментально начинает сносить крышу.

И я не хочу сейчас анализировать, почему это происходит так быстро. Ни сейчас не хочу анализировать, ни когда-либо.

Остановимся на искренней любви. Братской, естественно.

– Яааа? – она дурашливо хихикает, а потом неожиданно всхлипывает. И этот ее всхлип, тихий и горький, болезненно отдается в груди, мешая дышать. – Я не знаю, где я, братух. Не представляю даже. Здесь есть речка. Или озеро? И еще есть шашлыки. Я иду купаться. Лето же, конец уже. А я еще ни разу. Надо отметить, как ты считаешь?

– С кем ты? Дай трубку тому, кто знает, где вы находитесь.

Я скидываю полотенце, начинаю торопливо одеваться. Ловлю напряженный взгляд Маринки и молча мотаю головой на выход. С ней вообще разговаривать не собираюсь.

– А тут все такие! – смеется Татка, – никто ничего не знает!

Рядом слышу голос:

– Эй, малыш, ты чего там? Купаемся! Голыми!

– Татка! – я уже рычу и одновременно включаю следилку, которую не так давно установил на ее телефон. Как знал! Прямо как знал!

– Пошли! Пока, братик!

И отрубилась, зараза!

Я с минуту смотрю в бешенстве на темный экран, потом выдыхаю и шарю в программе.

Сейчас я тебя вычислю, приеду и надеру жопу! Ремнем, бл*!

– Это кто, Сереж?

Голос Маринки звучит напряженно и капризно. И не вовремя! Не до нее мне сейчас!

– Ты еще здесь, что ли? Я же сказал. На выход!

– Это твоя новая девушка? Не молодая для тебя?

– Марина, мне некогда!

– Борзая какая! Вот малолетки пошли! И когда успел, интересно?

Голос Марины набирает бабских сварливых нот, и это звучит отвратно. Бл*, да свалит она отсюда уже? Отвлекает!

– И что? Она лучше меня ноги раздвигает? Или сосет? У этих шлюшек уже с пятнадцати лет рот раскроют – асфальт видно!

– Пошла вон!

Я уже не выдерживаю, слушать гадости про Татку – это верх дебилизма.

– Это моя сестра.

– Какая сестра еще? Сам говорил, что нет родных!

– Не твое дело.

Я наконец-то определяю месторасположение Таткиного телефона.

Не особо далеко. Но реально возле озера. Вот коза!

Набираю Колян, очень надеюсь, что он не спит, а тусит неподалеку.

– Брат, привет! Ты чего?

Судя по голосу, Колян трезвый, и это единственная хорошая новость на сегодня.

– Колян, ты далеко?

– Да у тебя в клубе! Скоро домой.

– На колесах?

– Да, само собой!

– Подваливай ко мне.

– А чего за кипиш?

– Татка...

– Опять???

– Колян!

– Все, молчу! Через пять минут. Выходи!

– Прикольные у тебя отношения с сестрой! Это же она у тебя на фотках в короткой футболке и с голой жопой? – это Маринка все никак не успокоится.

Бл*! Да сколько можно!

Не до нее мне!

Я молча подхватываю так и не подумавшую одеться Маринку под локоть, тащу к двери. Она успевает только шмотье загрести свое.

Выставляю ее на лестничную клетку.

– Вали.

– Сереж! Да ты что? Из-за этой? Да она же...

– Завтра можешь на работу не выходить. Уволена.

Захлопываю перед ее носом дверь и моментально забываю.

Не до всяких мелочей.

Татка, коза такая, умотала на город. Хрен знает, с кем. И, походу, совсем отмороженная компания. Потому что все мало-мальски нормальные люди в городе знают меня и знают, что за Татку я быю жестко и без разговоров.

Уже пройденная тема.

Обычно, стоит ей появиться где-нибудь в злачном месте, мне сразу звонят. И пригляды-вают за ней, чтоб не дай Бог...

А тут...

Не пойми с кем, на озере, судя по всему, большая компания.

И много мужиков.

Все. Это конец. Размотаю всех по этому озеру так, чтоб потом неделю икалось и блевалось.

Чтоб знали, что сестру Сереги Бойца нельзя трогать! Пусть и неродную сестру!

Все равно!

Никому!

Трогать!

Нельзя!

Глава 2

– Бита с собой?

Колян щерится азартно и лихо.

– Обижаешь!

– Табельное, надеюсь, не прихватил?

Колян у нас – мент. Начинающий. Только недавно летеху дали. Младшего. И он по этому поводу борзой и наглый. А мне напряги не нужны, чтоб вляпался с табельным. Вытаскивай его потом, утырка безбашенного.

– Да ты че? Я совсем, по-твоему? Я вон даже трезвый, потому что на работу завтра!

И даже обижается так натурально. Молодец!

– Ладно, поехали.

– Слушай, а куда?

– На Васильевское. Татка там с какими-то отморозками.

– О как! И кто ж там такой смелый? Или тупой?

– Вот и выясним.

Мы выдвигаемся на байках, сразу втапливая до упора. Благо, город пустой. У нас не Москва. И люди иногда спят по ночам.

По программе быстро определяем местонахождение сестры.

Хотя, в принципе, уже на подъезде понятно, куда ехать. По пьяным выкрикам и музыке.

Я в таком бешенстве, что приходится даже дышать про себя на раз-два-три. Успокаиваться.

Иначе сорвусь и могу натворить.

Дел.

Всяких.

Колян поглядывает на меня внимательно, привычная усмешка уже убрана. Понял, что может быть жопа, и теперь старается прикинуть масштабы.

Так-то я мужик спокойный. И обычно это я всех торможу.

Прошли те времена, когда Боец вписывался в любое месиво. Теперь я – солидный и уважаемый в городе и немного за его пределами бизнесмен. Клуб вот открыл... Уже два года как точку безубыточности прошел, теперь только прибыль. Скоро закрывать его и новый раскручивать...

Но вот беда, спокойный Сергей Бойцов превращается в полного отморозка, стоит зайти речь о его сестре. Наталье Бойцовой. Татке.

Это знают все. Абсолютно все в городе. И даже немного за его пределами.

Так что, по-любому, те, кто утащил мою девятнадцатилетнюю сестру ночью на озеро, не в курсе, чем рискуют. А она сама не рассказала, естественно.

В низинке, прямо у воды, вижу компашку. Парни, в основном, две или три девчонки. Танцуют под громкое бумцанье. Татки нет среди них.

На меня тут же паника такая налетает, что сердце, которое, похоже, из пяток не вырулило, замирает и леденеет. И пальцы леденеют.

Суки... Где Татка???

Тут сбоку трещат кусты, и с криком «А пошел ты нахер, козел!» вылетает прямо на меня взъерошенная сестра.

Тут же натывается взглядом на мою физиономию, наверняка на редкость злобную, потому что тормозит, как в кот в мультике, всеми четырьмя конечностями, плюхается на жопку и пытается уползти обратно в кусты.

Но это дохлый номер.

Я уже в себя достаточно прихожу, чтоб метнуться и перехватить за тонкую щиколотку, рвануть на себя.

Татка охает, проезжается пузом по песку, дрыгает ногой. Но как-то вяло, без энтузиазма. Поднимаю ее под мышки, и держа на весу, пристально разглядываю немного чумазое лицо.

А она смотрит на меня... И неожиданно икает!

Пьянь!

Ставлю на землю и досадливо с размаху луплю по задку в коротких джинсовых шортиках.

– Ой! Серый! Скот!

Она еще что-то пытается вякнуть, и даже вякает, но я молча передаю ее Коляну, а сам сначала лезу в кусты, выуживаю несостоявшегося героя любовника, не успевшего даже ширинку расстегнуть.

Без разговоров бью в челюсть.

Тот падает, как срубленное дерево. Громко и с треском.

Я выхожу, приватизирую у Коляна битку, демонстративно не обращая внимания на мат Татки, которая уже не вырывается из лап Коляна, знает, что бесполезно, и спускаюсь вниз.

Компания, которая за громкой музыкой не заметила не только нашего появления, но и потери бойца, продолжает веселиться.

Подхожу к музыкальной шкатулке и прекращаю ее существование парой ударов.

Как только бумканье заканчивается, начинается бабский визг и невнятные попытки в «Эй, мужик, какого хера?»

Но дальше этого дело не заходит.

На более внятное сопротивление у придурков не хватает моральных сил.

Оно и понятно. Эффект неожиданности, мать его.

Ну и во мне метр девяносто, сто десять кило и борода лесоруба.

Из леса вышел. С битой.

Весь такой... Неожиданный.

Я последовательно бью все три шарманки, и никто мне не мешает! Даже как-то не интересно!

Под конец казни уже бабы не визжат, парни не матерятся. Стоят, напряженные. Обосанные.

Показательно прокручиваю битку в руке, вспоминая недавно просмотренный сериальчик про зомбаков. Был там один убойный перс. Тоже с битой ходил. И нехило так ей бошки сносил.

Но у нас тут не сериал. Хотя все остальные атрибуты в наличии. Ночь, тусклый свет фар, которые я специально не бил, чтоб сцену осветить. И даже зомбаки есть.

– Ну чего, суки, кто меня знает?

Все молчат. Боятся. Это правильно.

– Ну? Кто меня знает, уйдет живым.

– Я! Я тебя знаю! – тут же орет какой-то пацанчик, по виду, ровесник Татки. – Ты – Боец, да?

– Угадал! – улыбаюсь приветливо-приветливо. Так, что всю компанию, в количестве десятых человек, сносит к воде. – А какого же хера здесь делает моя сестра?

– Кто?

И столько удивления в его голосе! Вот как так? Знает меня и не знает ее?

– Сестренка моя. Вон та голожопая таракашка, которую ваш смертник в кустах мял!

Все, как по команде смотрят на Татку, которая сидит на байке Коляна и зло сдувает волосы со лба. Дуется, коза.

– Да она... Да она не сказала! А я же не знал! Я думал, так, телка просто!

Я коротко тыкаю парнишку в живот битой, и он сразу же захлебывается воздухом, сгибается.

– Телка?

– Девушка! Девушка, хотел сказать!

Опять тонко взвизгивает баба в стройных рядах зомбаков. От ужаса, наверно.

Хотя я вообще ничего ужасного не делаю. Разговариваю просто.

– То есть, ты знаешь, кто я, но не знаешь, кто она? Откуда ты, мальчик? И кто все эти люди?

– Яааа... Я в гости приехал, к тетке!!! А это – мои знакомые!!! Они не в курсе, кто ты!!! Они не местные!!! А тебя я с прошлого года знаю! Видел! И в клубе твоём был!

Это уже он на истерике орет, а я неожиданно успокаиваюсь. В самом деле, чего разошелся? Хотя, если б моя сестра тут утонула к херам, в озере, или изнасиловал бы ее тот утырок... Нет, хватит. Не злимся. С Таткой все хорошо. Все хорошо.

– Ладно. Хорошо, что все хорошо кончается, да? – опять улыбаюсь я. И вся компания дружно делает еще шаг назад, – теперь вы знаете меня. А я знаю вас.

С этими словами я еще раз прокручиваю битую в руке, хмыкая про себя на тупые киношные эффекты, и иду к Колян и Татке.

Отдаю ему битую, ссаживаю козу с сиденья, шлепком по задку задаю направление. Она подпрыгивает. Смотрит зло, но не говорит ничего. Резво скачет к байку. Усаживаемся и валим из этого рассадника пиявок.

Чувствую, как тонкие пальцы Татки обхватывают меня за талию, как она прижимается ко мне, а потом демонстративно обхватывает своими длинными ногами, пользуясь тем, что я в движении и не могу ей запретить.

Колян едет рядом, наверняка это все дело видит, и, даже, скорее всего, скалится, сволочь. Но мне сейчас не до него.

Татка едет за моей спиной, прижимается ко мне тонким телом, обхватывает ногами. А я завожусь. Дико. Непотребно. До красных пятен перед глазами.

И нихера не помогают мантры, которые раньше спасали.

Уже не спасают.

Уже год не спасают.

С того прошлого проклятого лета, когда я поцеловал ее после выпускного.

Я, Серега Бойцов, широко известный в узких кругах как Боец, бывший боксер, вполне успешный бизнесмен, нормальный, солидный даже мужик, тридцати пяти лет.

Поцеловал в губы восемнадцатилетнюю девчонку, только закончившую школу. Свою сестру.

Свою сводную сестру.

Которую нельзя трогать.

Глава 3

Выпускной Татки. Год назад

«Я всегда остаюсь одна, остаюсь одна...»

Голос певицы мне не нравится. Дурацкий какой-то, писклявый. Даже не знаю, кто это. Ну и плевать. А вот слова... О да, слова ложатся правильно. Так, как надо ложатся.

Я сейчас тоже не отказалась бы от вирта. Потому что в реальности... Ну ее нахер, эту реальность.

Пальцы не попадают по нужным кнопкам, но Т9 меня любит.

«Привет, засранец»

«Где ты?»

Ой... А что так сразу? А где прелюдия?

Я смеюсь, ловлю на себе внимательные взгляды говнюков со противоположной стороны улицы.

Братва, фак вас раззадорит или отпугнет? Проверим?

Провожая удаляющиеся фигуры, машу на прощание средним пальцем. Слабаки. Хотя, в принципе, есть еще вариант, что они меня знают. Или знают этого говнюка. Потому и не связываются. Не такой уж у нас большой город, в конце концов. Все знакомы через пять рукопожатий.

Но все равно. Слабаки. Ну, подумаешь, нажралась? Подумаешь, сижу на бордюре? Может, я в печали? Может, я была бы не против, если б кто утешил?

«Где ты?»

О, вот он. Не слабак.

А позвонить, братух? Кишка тонка?

Хотя... Знает, что не возьму.

Голосок певицы звучит набатом: «Я всегда остаюсь одна, остаюсь одна»...

Да, подруга, ты меня понимаешь.

Телефон вибрирует. Не выдержал, звонит.

Ответить? А как же вирт?

«Найди меня».

Нет вирта, будет квест.

Ищи меня, братух. Ищи.

«Найду, будет жопа битой!»

Ой... БДСМ? А почему бы нет?

«Будешь бить сильно? Мне надо будет считать удары?»

Пауза. Это он, наверно, глаза обратно в глазницы вставляет.

А я отхлебываю прямо из бутылки.

Бармен, душка, отдал с концами. Только чтоб убралась из заведения. Скорее всего, он пожалеет об этом. Если этот гад, мой брат, узнает, что меня тут практически даром нажрали, кирдык заведению, ага.

Но есть вариант, что я отсюда уйду до того, как он меня найдет.

Делаю попытку подняться.

А нет... Нет вариантов. Нет у меня вариантов. Никаких.

«Никто из них не знает, что вообще делать со мной, что со мной делать...»

Неправда.

Он знает.

Но не делает. Не делает!

Я пьяно смеюсь, причем, словно со стороны слышу свой смех, и он реально пьяный. Больной.

Я сама – больная. Очень больная.

Извращенка, ага.

Виски проливается на платье. Красивое такое. Было. В начале вечера.

Я вспоминаю, как шла, через весь зал, за дипломом, какие были кривые губы у директрисы, с мерзкой кровавой помадой, которая окрашивала зубы, и казалось, что она куснула кого-то до мяса.

Вспоминаю, как села обратно, за столик, поправила свою пышную юбочку. Невинный цветочек, ага.

Одноклассники смотрели. Удивлялись.

Еще бы!

Натка – и в платье. Событие!

Потом, уже на выпускном, я смотрела на него, мило болтающего с моей, теперь бывшей класнухой, молодой, красивой бабой. Незамужней.

Смотрела, как она тает от его улыбки, от его, сука, брутального вида, массивных рук, забитых цветными рисунками, от его хищной, жестокой, звериной грации, сквозящей в каждом движении. Он просто руки на стол положил, а она уже кончает. Сучка!

А потом я оглянулась и поняла, что она не одна такая.

Бутылка попала под руку кстати.

Я ухватила одной рукой ее, другой – рыжего Ваньку, смотревшего на меня весь вечер поросячьими глазками, и утопала прочь из зала.

И все ждала.

Обернется.

Посмотрит.

Заметит.

Не обернулся. Не заметил.

Ванька после парочки слюнявых поцелуев был послан нахер.

А я рванула дальше.

Этот бар был пятым за ночь.

Платье мое, красивое, пышное платье выпускницы, за которое этот засранец без вопросов заплатил бешеные бабки, выглядит тряпкой. Потасканной и жалкой, как и его хозяйка.

Я пью из горла, щурюсь на занимающийся рассвет. Раньше, говорят, выпускники школ ходили в конце выпускного встречать рассвет. Типа, это романтично, первый рассвет взрослой жизни.

Ну привет, первый рассвет моей взрослой жизни. Ты на редкость дерьмовый. Как и вся моя жизнь.

«Сиди, где сидишь»

О как! Меня, похоже, вложили. Не зря я этим утыркам фак показывала.

Да и похер. Пусть приезжает.

«Я всегда одна, – поет писклявая певичка, – я всегда одна».

Да, детка. Да.

Интересно, он отодрал сегодня ночью мою бывшую класнуху? Судя по ее плотоядным взглядам на него на выпускном, скорее да, чем нет.

Она явно предложила. А он явно не отказался.

Братух, расскажешь, как оно? Хоть послушаю, раз не судьба поучаствовать.

«Приди и сделай так, чтоб я снова была в порядке»

Если бы, подруга, если бы...

С ним я только в беспорядке могу быть. Потому что, сама-дура.

Хорошая песня. Надо будет узнать, кто поет.

В голове путаются мысли, образы.

Вот его руки большие, но на моей талии, тепло от них такое, что реально губы сохнут, и мне очень надо, чтоб он их потрогал. Своими губами.

Сердце бьется, смотреть в глаза страшно. Кажется, стоит поднять взгляд – и умру тут же. Господи... Я ведь реально извращенка! Нельзя же так! Ну нельзя! Мама, о чем ты думала, когда выходила замуж за его отца? О чем? Как мне жить теперь с этим всем? Как мне с собой жить?

Он – взрослый, я для него – смешная девчонка с содранными коленками! Была, есть и буду!

Я никогда не повзрослею! Никогда. Гребанный Питер Пен в бабском платье!

Я расставляю ноги, чтоб подняться, какое-то время залипаю пьяно на грубых байкерских ботинках. Смешно. Я выгляжу смешно. Восемнадцатилетняя корова, в голубом пышном платье и черных ботинках с клепами. И с прической. С локонами, черт! Хотела казаться старше. Хотела, чтоб увидел, что я могу быть красивой. Женственной. Взрослой.

Но кого я хочу обмануть? Я выгляжу куклой. Смешной и сломанной. Глупо хлопающей голубыми глазками.

Я оборачиваюсь на витрину позади себя. Смотрю какое-то время на отражение.

Пьяная девочка в голубом платье.

Локоны.

Так.

В маленькой сумочке валяются маникюрные ножницы.

Остренькие, хорошо.

Локоны режутся плохо, слишком много лака. Но я упорна. Да и выпивка помогает держать настрой.

В итоге минут через пятнадцать на меня из стекла витрины глазееет странная девочка-оборвыш, с всклокоченными волосами, зареванная и злая.

Вот так. Так – лучше. Да, братух?

Его машина, черный навороченный ровер спорт, подъезжает буквально через пять минут.

Я успеваю прикончить бутылку и прицельно швырнуть ее в витрину. Жаль, не докидываю.

Так хочется, чтоб осколками. И вниз.

– Какого хера, Натка?

Я смотрю на него снизу вверх. И сердце привычно заходится.

Когда это началось? А хер его знает...

Год назад, два? Когда я на него стала смотреть не как на брата, а как на мужчину?

Неважно. Важно другое.

Он на меня никогда не посмотрит, как на женщину.

И это смешно. Так смешно. И он смешной, с этой своей хищной брутальностью, крупными горячими ладонями (а вот откуда я знаю, насколько они горячие? Он не трогал меня никогда так), с его животной самцовой привлекательностью.

Он смешной.

И я смеюсь. Захлебываюсь. До икоты.

До слез.

А руки у него и в самом деле горячие.

Он дергает меня за плечи, перехватывает чуть выше талии. И поднимает, как ребенка маленького, на уровень глаз. Как щенка или котенка.

Короче говоря, как нечто умилительно-бесполое.

Смотрит в мои пьяные глаза, на мои мокрые от слез щеки, раскисшие губы, неровно остриженные, торчащие в разные стороны волосы.

У него странный взгляд. Злой, что ожидаемо. И бешеный, что страшно. И чужой, что ужасно. И тоже ожидаемо.

Я смотрю, упираюсь машинально ладонями в его плечи. Мне неудобно и дико висеть вот так в его руках, с болтающимися в воздухе ногами. Как куклу трясет. Зачем? Говорит что-то, выговаривает.

А я не слушаю.

На его губы смотрю. Невозможно красивые. У него борода, темная, шикарная. Добавляет ему возраста и придает серьезности.

А у меня отрезанные неровные волосы, грязное платье и ссадины на руках от нескольких неудачных попыток встать с асфальта.

Поэтому я не возражаю, когда он перестает говорить. Хватит уже, братик. Ты мне ничего не скажешь нового. Не скажешь ничего того, чего бы я не знала.

Ты меня считаешь сестрой. Не по крови, общей крови у нас нет, иначе бы я уже загремела в дурдом. Я для тебя – сестра по сути своей. Ты помнишь меня маленькой, я помню тебя взрослым. Мы не сможем это изменить. Не сможем стереть нашу общую на двоих память.

Но черт, брат...

Я не знаю, что будет дальше. Я не хочу думать, что будет дальше.

Я хочу поцеловать тебя. Хотя бы раз. Один. Один раз.

Можно? У меня сегодня все же праздник.

Выпускной.

Я скольжу ладонями на его плечи и прикасаюсь к губам. И это похоже на удар током. Сразу по венам высоковольткой. Выжигает нервные окончания, и они горят, горят, горят... И я горю.

А он...

Он неожиданно отвечает.

Обхватывает меня сильнее, по-прежнему держа на весу, только теперь прижимает. И целует. Целует, целует!

По-взрослому. Грубо и грязно. Так, что у меня трясутся губы, и вся я трясусь.

Высоковольтка же, да.

В голове – ни одной мысли, ни одной! Только волны тока проходят по телу, заставляя сжимать пальцы на его плечах сильнее, сердце рваться из груди, бумкать неровно, с перерывами.

Я не помню, когда успеваю обхватить его ногами, когда он подтаскивает меня под попу еще ближе, сжимая с такой силой, что дышать невозможно, больно и тяжело.

Но это все неважно.

Важно, что его губы – именно такие, как я и думала, твердые и опытные, его руки – горячие и сильные, его сердце – бьется так, что больно становится.

А самое главное, что теперь я точно знаю, он не видит во мне сестру. Сестер так не целуют. Даже если их очень сильно любят.

Я с упоением отвечаю на самый первый, самый правильный в жизни поцелуй, а в голове все звучат строки песни, уже давно переставшей играть:

«Сделай так, чтоб я снова была в порядке».

Я – в порядке. Ты пришел, и я в порядке.

Мой выпускной все же завершается правильно.

Рассветом новой жизни.

Глава 4

Я останавливаюсь возле дома, где живем мы с Таткой.

Я на пятнадцатом, она – на десятом. После гибели родителей я продал дом и купил здесь нам с ней жилье. Ее квартира пустовала, пока Татке не исполнилось восемнадцать, и я официально перестал быть ее опекуном.

До этого момент мы жили вместе. И да, это было, сука, то еще испытание. Последние три года – точно. Вдвойне. Втройне, бл*.

Я ссаживаю сестру с байка, избегая желания задержать руки чуть подольше на тонкой талии. Она, кажется, даже умудрилась слегка задремать во время поездки, хотя это немыслимо, когда на байке вторым номером едешь. Но не в случае Татки, естественно.

Колян заруливает с нами в закрытый двор, снимает шлем и щерится на то, как я плотнее запахиваю на сестре куртку и шлепком по жопке отправляю ее к подъезду.

Еще бы, гад, разве пропустит развлечение!

Татка, еще в полусне и алкогольном дурмане, оборачивается к нему и тоже улыбается:

– Коля, в гости зайдешь?

– Коля в гости не зайдет, – обрываю я его желание ляпнуть в очередной раз невпопад. – Пошла к подъезду, зараза мелкая, и ждешь меня.

– Да пошел ты!

Татка показывает мне средний палец и гордо топает домой, Колян любит охренением на моем лице, которое нечасто увидишь, и авторство всегда одно и то же. И я бы сорвался следом и показал нагло, поверившей в себя сестре, что не стоит злить большого и страшного брата, но, подозреваю, что Колян именно за этим цирком и остался понаблюдать.

Поэтому я только провожаю прищуренным взглядом крепкую жопку в коротких шортиках, даже мысленно не позволяя себе залипать на вид, прикидывая, как бы ее наказать. Так, чтоб забыла вообще, каково это – злить меня и выдергивать из постели среди ночи. Так-то я уже старый стал для этого!

Потом разворачиваюсь к Коляну и успеваю заметить, что этот скот прямо-таки облизывается на стройные ножки Татки. Смотрю на него, очень выразительно, подняв бровь. Совсем ты, парень, берега попутал.

– Куда ты пялишься, сучонок? – не выдержав все же, спрашиваю его.

Ласково так. Нежно даже.

Он от моей нежности ежится, и тут же теряет интерес к Таткиным конечностям. И это правильно, конечно. Кому, как не ему знать, что в сторону сестры я даже дышать не разрешаю.

Особенно таким отмороженным кобелям, как Колян.

Или как я сам.

– Да не, Серый... Я просто подумал... Тебе бы ее замуж, что ли... Смотри, какая выросла. Это же пи**ц, чего такое...

Он опять задумчиво шурится на тонкую фигурку уже ушедшей достаточно далеко и не слышавшей этого, слава Богу, Татки, а я в одно движение оказываюсь рядом и давлю массой. Совершенно сознательно.

Потому что, похоже, кто-то потерял страх. Уже второй раз за несколько минут.

– Это не твое дело, понял? – тихо, но очень убедительно говорю, а потом прищуриваюсь, – или ты жениться хочешь? А?

– Эээ... – он тут же ощутимо бледнеет, причем, именно от моего предположения о женитьбе, а не от угрожающего рывка к нему, и это даже прикольно, – ненене! Ты это, Серый... Не думай даже! Нет, твоя сеструха, конечно, хороша, но она же ненормальная, ты уж извини. Да и ты в деверях – то еще мудацкое счастье. Да и молодой я еще! Только жить начинаю! Это

Даня у нас – ненормальный. А я-то – очень даже! Так что ищи другого смертничка. А я со стороны полюбуюсь. Поржу.

С этими словами он отодвигается от меня, садится на байк.

– Ну, спасибо тебе, Колян, за помощь, за то, что приехал среди ночи и битую не забыл, – ржёт он, заводясь, – как всегда, Серый, ни слова благодарности, ну чего за фигня? Ладно. Я и сам справился, не напрягайся! В субботу все, как обычно?

– Да.

– Ну окей, бывай, братух. Татке от меня ремнем по жопе дай.

Он вырывается со двора и исчезает в темноте.

Во дворе пустынно. Тихо-тихо.

Конец лета, уже не жарко, пахнет какими-то цветами из ухоженных палисадников, зелено.

Я сажусь на скамейку, достаю сигарету. Прикуриваю, с удовольствием выдыхая дым.

Шурю на звездное небо. Оно прикольное в августе. Звезды такие крупные.

Рядом шуршат кусты.

– Ну, чего притаилась? Иди сюда.

Татка выходит из кустов, садится рядом на лавку. Вздыхает.

– Дай закурить.

– По жопе ремнем только могу.

– Серый... Ну не вредничай. Я уже большая девочка.

– Ага, я понял. Круто шляешься по всяким кустам со всякими отморозками.

– Да они не отморозки! Просто ребята приезжие. И я Витька знаю с прошлого лета.

– Ага... Близкое знакомство?

От одного предположения царапает внутри, но я курю. И делаю вид, что умудренный опытом старший брат. Весь такой правильный.

– Да нет... Просто общались в одной компании.

– В какой еще компании?

Я про все ее компании всё знаю. До каждого отдельного утырка. И всегда стараюсь всех максимально просветить, кто есть кто. В смысле, к кому в трусы нельзя лезть ни под каким предлогом. И что может случиться, если мои рекомендации добрые не выполнять.

Да, я взрослый властный дебил. Урод, который пасет собственную сестру, как зеницу ока.

И я про это знаю.

И нет, мне не кажется это странным.

И да, мне плевать, что про это думают окружающие.

– А то ты не знаешь? – косится она на меня, потом подсаживается поближе и с удовольствием тянет воздух с табачным дымом, окружающий меня.

А я...

А у меня тупо встает член.

От ее близости. От ее теплого дыхания. Совершенно невинного движения навстречу мне.

Я чувствую себя уродом. Моральным. Извращенцем, которого надо в психушку сдавать.

Я клянусь последними словами.

И это нихера, вот просто нихера не помогает!!!

Она сидит рядом, и, вполне возможно, что даже и не думает ни о чем таком.

Просто смотрит на звезды. Просто дышит табаком, который выходит из моих легких. И даже сам факт, что она вдыхает воздух, который побывал во мне, кажется чем-то пограничным и дико эротичным.

Да, я чертов урод. Извращенец.

Да, я хочу свою девятнадцатилетнюю сводную сестру.

И да, я понимаю, что это ненормально.

Несмотря на то, что она сводная, и общей крови у нас нет.
Но я помню ее маленькой. Смешной девчонкой со сбитыми коленками.
Поэтому то, что происходит сейчас со мной, с нами, это какая-то животная хрень.
То, чего не должно быть в человеческом обществе.
То, что я совершенно точно собираюсь преодолеть в себе.
Эй, Боец, это вызов?
Это очередной твой бой.
Ты ни разу не ложился на ринге.
И сейчас не время. Ох, не время.

Глава 5

Мне было семнадцать, когда отец привел ее мать в наш дом. Строго говоря, тот дом уже не был нашим. Моим – уж точно.

Я жил отдельно, в общежитии, учился на первом курсе нашего машиностроительного, развлекался вобщем, как мог.

Отец, насколько я знаю, тоже времени не терял. Когда я приходил к нему в гости, всегда ржал конем. Потому что баб каждый раз у него заставлял разных. А то и не одну.

Короче, седина в бороду там во всей красе была.

И нет, я не собирался осуждать.

Мы с ним достаточно пережили после смерти мамы, и я считал, что он явно заслуживает счастья.

Поэтому мы с ним встречались где-то раз в неделю, выпивали, ели шашлыки, которые он умел очень даже круто готовить, болтали. Часто в компании его друзей, таких же серьезных дядек, как и он сам.

Отец был бывшим спортсменом, тоже боксером, как и я, после завершения карьеры ушел в тренерство, организовал самый лучший в городе клуб смешанных единоборств. И туда ездили все – от бандитов до ментов.

Поэтому связи он имел самые обширные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.